

вых, историку, ставящему перед собой задачу объективного анализа проблемы, требуется надежная источниковая база, которая бы позволила вычислить реальную производительность труда узников лагерей военнопленных Среднего Урала, а вместе с тем – установить, насколько заработанные ими суммы покрывали затраты на их же содержание. Доступные же на сегодняшний день архивные материалы, несмотря на наличие в них статистической информации, изначально малорепрезентативны. Во-вторых, даже владея всеми действительно значимыми экономическими параметрами трудоустройства военнопленных, следует помнить об общем своеобразии ценообразования «экономики социализма».

Принимая во внимание все вышесказанное хотелось бы, тем не менее отметить, что даже без сомнительных рекордов труда, зафиксированных в официальных документах, вклад иностранных военнопленных в развитие Среднего Урала очевиден и нагляден в буквальном смысле слова, поскольку внешний облик городов Свердловской области до сих пор определяется так называемыми «немецкими» постройками военных и послевоенных лет. Не будет преувеличением сказать, что своим значительно возросшим в военные и послевоенные годы производственным потенциалом и более разносторонней индустрией, способной решать новые народнохозяйственные задачи, Средний Урал в какой-то степени обязан и труду иностранных военнопленных второй мировой войны.

Г. Н. Шапошников

БЫТ СВЯЗИСТОВ СРЕДНЕГО УРАЛА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945 – КОНЕЦ 1950-Х ГГ.)

В истории электросвязи Урала можно выделить три больших этапа.

Первый охватывал период индустриализации и проходил с семидесятых годов прошлого века по средину двадцатого столетия. В это время произошло становление российской и советской систем электросвязи, ее количественное развитие, превращение в важный фактор экономики и социальной инфраструктуры. Техническую основу всего хозяйства связи в это время составляли неавтоматические (ручные) передающие и принимающие устройства (РТС, аппараты Морзе, Бодо, СТ-35 и др.) ламповая радиоаппаратура. В линейном хозяйстве главенствовали воздушные магистрали без аппаратуры уплотнения.

Второй этап охватывает 50-60-е гг., когда в СССР начинается быстрое внедрение полуавтоматических систем передачи телеграмм, АТС декадно-шаговых систем, полупроводников в радиосвязи, аппаратуры уплотнения в линейном хозяйстве. Наиболее ярко эти новые моменты проявились в телеграфии, где в начале 60-х гг. был заметно облегчен транзитный переприем.

Третий этап начался в середине 60-х, когда в связи утверждается полная автоматика (внедрение станций прямых соединений и абонентского телеграфа, координатных, а впоследствии и электронных АТС, качественно новой аппаратуры уплотнения и др.).

Завершающие годы первого этапа приходятся на послевоенное двадцатилетие. В это время в советской связи завершились процессы восстановления раз-

рушений, причиненных войной, а в годы 5 и 6 пятилеток отрасль значительно превзошла довоенный уровень развития. Именно в это время была подготовлена техническая база для внедрения аппаратуры полуавтоматики на телеграфах, началось распространение АТС ДКШ. Особенностью тех лет было то, что связь развивалась в условиях жесткой командно-административной системы. В первую очередь удовлетворялись информационные интересы партийно-хозяйственного аппарата и оборонных ведомств. Интересы населения в это время не учитывались.

Большую роль в эти годы играла и электросвязь Среднего Урала, которая обслуживала не только народное хозяйство региона, но поддерживала весь телефонно-телеграфный и радиообмен между центральными регионами СССР, Сибирью, Севером, Дальним Востоком, Средней Азией. Эту важную народнохозяйственную задачу решал 9 тыс. коллектив связистов Свердловской области.

Мы сознательно опускаем вопрос о развитии хозяйства связи Урала, успехах научно-технического прогресса отрасли в регионе. Рассмотрим быт и материальное положение связистов, что позволит полнее представить жизнь всей технической интеллигенции Урала тех лет. В 40-50 гг. связисты продолжали жить и работать в полувоенном режиме. На предприятиях связи царила ведомственная и должностная иерархия. Руководящий состав помимо должностей, имел ведомственные звания: директора и инспектора 3-1 рангов. Связисты носили особую форму. Долго оставались и военные методы руководства: мобилизации персонала на периоды политических и хозяйственных компаний, (обеспечение связью выборов в местные и центральные органы власти, посевные и уборочные сельхозработы и др.). Частыми оставались сверхурочные работы, отмена отпусков. Все это не было обеспечено материальным поощрением. Наиболее устойчивыми показателями быта являлись жилье и зарплата. По этим показателям связисты явно отставали от металлургов, машиностроителей, работников других профессий.

Жилой фонд Областного управления связи во второй половине 40-х гг. оставался небольшим. В 1948 г. он насчитывал всего 9,8 тыс. кв. м. В ведомственном жилье проживало всего 1,2 тыс. связистов (0,1% от всех работающих в отрасли). Это были деревянные дома с коммунальными квартирами, общежития барачного типа, т.е. то жилье, которое осталось со времен войны. Большая часть домов находилась в аварийном, ветхом состоянии, из коммунальных удобств было только печное отопление.

В 1950 г., последнем году 4 пятилетки, только 4% жилья имело водопровод с холодной водой, 3% – центральное отопление, 90% – электричество. Во всех документах того периода постоянно отмечалось, что существующий жилищный фонд совершенно не удовлетворяет потребностей работников связи. Большинство жило на частных квартирах, что заметно ухудшало их бытовые условия, затрудняло решение кадровых вопросов. Из-за недостатка жилья наблюдалась высокая текучесть кадров.

Об остроте жилищной проблемы в это время говорит интересный факт. В 1950 г. все помещения красных уголков, кладовок, подсобных помещений в учреждениях связи были заняты под жилье семьями руководящего состава.

Особенно остро стоял вопрос жилья для радистов. Радисты Среднего Урала поддерживали региональный радиообмен и весь радиотранзит между страной и Сибирью, Дальним Востоком, но, выполняя эту важнейшую народно-хозяйст-

венную задачу, жили просто в невыносимых условиях. По техническим причинам (наличие мощных антенн и др.), радиостанции выносились за городскую черту, и жилье для обслуживающего персонала никто не строил. В 1950 г. коллектив Шарташской радиостанции, расположенной в 10 км. от областного центра, проживал в землянках и одном деревянном доме, постройки 1931 г. В 50-е гг. строилась радиостанция № 3 в районе г. Пышмы. Для военных строителей построили несколько временных бараков. После ввода радиостанции в строй, ее персонал поселился в них. Бараки оказались не приспособленными для долгого проживания. Из-за скученности, высокой влажности, постоянной задымленности помещений среди радистов получили распространение хронические заболевания, в т. ч. туберкулез, многочисленные детские инфекции.

На протяжении всего рассматриваемого периода Свердловское областное управление связи предпринимало меры по строительству жилья. Так, в годы 4 пятилетки (1946–1950 гг.) на эти цели было выделено более 500 тыс. р. (в ценах 1947 г.), а в 6 пятилетке (1955–1960 гг.) – 6,6 млн. р. (в ценах 1955 г.) К сожалению эти суммы оставались каплей в море: только по 5 районам области в конце 50-х гг. на эти цели требовалось более 11 млн. р. Положение к лучшему несколько изменилось лишь с выходом постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 31 июля 1957 г. «О мерах по развитию жилищного строительства в СССР», которое разрешало часть прибыли областных управлений и ведомств использовать для строительства жилья.

В 1960 г. Свердловское областное управление связи уже имело 30,2 тыс. м.² ведомственного жилья (68 домов), причем 20% его было оборудовано центральным отоплением, 30% – канализацией, уровень электрофикации жилья остался прежним и составлял 90%. С начала 60-х гг. в г. Свердловске начались работы по газификации бытовых объектов – в 1960 г. в 8 квартирах областного центра, где проживали связисты, был проведен газ. К этому времени вырос и контингент, проживающих в ведомственном жилье: в 1950 г. 12% работников связи жили в домах, принадлежащих областному управлению связи, в 1960 г. – уже 30%. В целом, не смотря на большие усилия, жилищная проблема решена не была. Главная причина этого заключалась в острой нехватке средств, в нежелании бюрократического аппарата решать социальные проблемы отрасли: местные чиновники считали, что в таких условиях живут все, сначала нужно развить промышленное производство а потом в повестку дня можно ставить и вопросы жилья.

На протяжении всего рассматриваемого периода низкой оставалась и зарплата связистов. До 1947–1948 гг. среднемесячная зарплата в отрасли составляла 388 руб., что было несколько выше, чем зарплата в связи по стране. В месте с тем, эти деньги не отражали реальный уровень жизни, т.к. в стране действовала карточная система: продукты и предметы первой необходимости связисты получали по нормам госслужащих, которые оставались ниже, чем нормы обеспечения рабочих ведущих предприятий Урала. Единственной социальной льготой были дешевые завтраки и обеды в столовых учреждений связи. Для этого областное управление расширяло собственное подсобное хозяйство. Выручали и личные подсобные хозяйства. В 1946–1947 гг. 57% связистов имели свои огороды, более 700 человек, проживающих в сельской местности – содержали скот и птицу. После отмены карточной системы зарплата связистов постоянно возрастала. В 1950 г. она составляла 513 руб., а в 1955–1957 гг. – 520 руб. у рабочих по основ-

ной деятельности. Средняя зарплата инженеров в середине 50 гг. выросла до 760 – 780 руб. в месяц. Отметим, что средняя зарплата рабочих в промышленности СССР в начале 50-х гг. составляла 500 – 600 руб. в месяц.

К сожалению цены после отмены карточной системы в 1947 г. росли быстрее, чем темпы роста зарплат. Поэтому, не смотря на знаменитые сталинские понижения цен, которые проходили весной почти каждого года 4 пятилетки, покупательная способность связистов падала, а доля натуральных продуктов – возрастала. Так, в 1950 г. 1 кг. хлеба стоил 3 руб., мяса – 28, масла – 60 руб. За шерстяной костюм нужно было заплатить 1500 руб. В результате в начале 50 гг. уже 62% связистов имели огороды и личные хозяйства.

Нерешенность социальных проблем отрицательно отражалась на производстве: травматизм, заболеваемость, а главное текучесть кадров, оставались высокими на протяжении всего рассматриваемого периода. В конце 50 гг. текучесть составляла 45% от всех, занятых в основной деятельности, что являлось выше показателя текучести в отрасли по стране.

Поворот к социальным нуждам связистов Урала начался только в середине 60–70-е гг. В это время начинают вкладываться большие средства в строительство жилья, материальное поощрение, санитарно-курортное лечение и охрану труда. Серьезное внимание обращается на соблюдение трудового законодательства, технику безопасности, высвобождение рабочих от тяжелых и вредных условий работы. Поворот к социальным и бытовым нуждам связистов в середине 60-х гг., является еще одним показателем того, что только в эти годы отрасль вступает в новый этап своего развития.

В. Н. Мамяченков

ГОЛОД В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Вопрос обеспечения крестьянства (впрочем, как и всего населения страны) продуктами питания очень остро стоял в первые послевоенные годы, особенно после засушливого и неурожайного 1946 г. В этом первом послевоенном году недобор зерновых составил треть всего зернового запаса бывшего СССР – этот запас сократился с 16987 тыс. т до 12681 тыс. т. На Урале сбор зерновых в 1946 г. составил 1743,1 тыс. т. или 81% к уровню 1940 г. В целом для СССР последствия неурожая были столь тяжелы, что из-за этого в стране на год была отложена отмена карточной системы продовольственного снабжения.

События 1946–1947 гг. в стране в связи с засухой и нехваткой продуктов питания очень хорошо описаны в монографии В. Ф. Зимы. На основе богатого фактического материала автор исследовал причины и последствия массового голода, который испытало тогда население большинства регионов СССР, создав масштабную и впечатляющую картину всенародного бедствия. В то же время, как нам представляется, автор не совсем прав, утверждая, что первое робкое упоминание о голоде послевоенных лет было сделано лишь в 4-м томе коллективного труда по истории крестьянства только в 1988 г. Прямое упоминание о голоде в те годы можно найти, например, в монографии М. И. Волкова, изданной еще в